

А. Н. Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**«СОСТАВИМТЕ СЕРДЕЦ СОЮЗ...»: НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII ВЕКА
(по страницам поэтической книги Марии Пospelовой
«Лучшие часы жизни моей»)**

В статье анализируется поэтика отечественной женской поэзии конца XVIII века на примере изучения системы нравственных ценностей в дебютном сборнике Марии Пospelовой «Лучшие часы жизни моей» (1798). Стихотворения рассматриваются в контексте генезиса и эволюции ведущих направлений русской литературы порубежья XVIII–XIX столетий – сентиментализма и предромантизма. Существенное внимание уделено и жанровой палитре новаций одной из основательниц отечественной женской поэзии: от трансформации классической торжественной оды – к медитативным вариациям идиллии и лирической миниатюры.

Ключевые слова: литературная культура провинции, ранняя русская женская поэзия, нравственные ценности, поэзия Марии Пospelовой.

Aleksey N. Pashkurov

Kazan (Volga Region) Federal University

**“LET’S MAKE AN ACCORD OF HEARTS...”: MORAL VALUES
IN RUSSIAN FEMALE POETRY AT THE END OF THE XVIIITH CENTURY
(through the pages of Maria Pospelova’s poetry book
“The best hours of my life”)**

The article analyses the poetics of national female poetry at the end of the XVIIIth century using the study of the moral value system in Maria Pospelova’s debut book of poems “The best hours of my life” (1798) as example. The poems are examined in the context of genesis and evolution of the leading trends of Russian literature on the cusp of the XVIIIth – XIXth centuries – Sentimentalism and Pre-Romanticism. Special attention is also paid to the novation array of genres of one of the foundresses of national female poetry: from transformation of classical solemn ode to meditative variations of idyll and lyric miniature.

Keywords: literary culture of province, early Russian female poetry, moral values, Maria Pospelova’s poetry.

Литературная культура провинции и ее аксиология имели заметное влияние на развитие русской литературы последней трети XVIII – начала XIX столетий. Общую картину закономерностей в этом процессе выявила в свое время Р. М. Лазарчук [2]. В провинции, что примечательно, нередко гораздо полновочувственней сплетались словесность и другие ветви искусства (например, театр), и в самой литературе, особенно – в мире лирики, часто ярче проявлял себя диалог разных направлений. Всё это, конечно, не могло не содействовать творчески новому расцвету художественно-философских представлений о нравственных ценностях жизни человека.

Современники, которые оказались, к сожалению, гораздо проникательней потомков, сразу заметили одну из восходящих звездочек на литературном небосклоне – Марию Алексеевну Пospelову. Талантливая художница и музыкантша, самообразованием выучившая несколько языков, Мария прекрасно разбиралась в истории и географии. Ее позднее творчество (хотя как можно говорить о «позднем творчестве» девушки, скоростижно скончавшейся от чахотки в 24 года!..) – одна из новых ярких страниц осмысления аксиологии древнерусской культуры. Так, к числу практически не оцененных и неизвестных до сих пор шедевров относится ее поэма «Георгий, или Отрочь монастырь», переложение известной повести XVII века.

В лирике своей Мария Пospelова, наряду с Екатериной Сумароковой-Княжниной, Прасковьей Жемчуговой-Шереметевой, Анной Буниной и Анной Турчаниновой, встала у истоков женской поэзии в России (интересные эскизы к портрету русской женской поэзии той поры на примере лирики А. П. Буниной – см.: [6]).

«Муза речки Клязьмы» – так ласково-поэтично назвал Марию известный ее современник, сам знавший толк в творчестве, Иван Долгоруков, тонко уловив глубокую органичную связь юной поэтессы как раз с литературной культурой провинции [7, с. 483–484]. За честь опубликовать произведения нового расцветающего дарования в своих альманахах и журналах «сражались» лучшие: Андрей Болотов («Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе»), Василий Подшивалов («Приятное и полезное препровождение времени»), за одну из од, посвященных суворовским победам, девочку одарил бриллиантовым перстнем сам грозный Павел Первый [7, там же].

Слава пришла к Марии, как нередко и случается, и просто, и неожиданно. Влиятельный дальний родственник, Федор Пospelов, заинтересовавшись опытами девушки в поэзии, на свои деньги издал во Владимире-на-Клязьме первый ее авторский сборник «Лучшие часы жизни моей». Произошло это в 1798 году, и – спустя всего какие-то месяцы – на талантливую стихотворицу обратили самое благосклонное внимание прославленные мэтры-патриархи новой литературы России: Михаил Херасков, Гавриил Державин, Николай Карамзин...

Безыскусность и искренность строк Марии сыграли при этом, пожалуй, одну из главных и решающих ролей. Даже в угасающей торжественной оде Пospelова сумела найти свои краски. Так, в оде на проезд императора Павла Первого с женой в Москву это событие нарицательно юной поэтессой не как строгое государственное политическое действие, а как радость для мира и людей и, самое главное, вечной мудрой природы, главными «провозвестниками» которой выступают деревья (о своеобразии дендросимволики и ее нравственных ориентирах – см. подробнее: [8]). Именно мир Природы, а не государственная идеология, в лиричном видении Марии, – основа России, ее жизни и культуры, которые в Новое время раскрывают себя и через диалог двух столиц страны – «русской» Москвы и «западного» Петербурга:

Как кедр меж прочими древами,
Москва меж многих городов... [4, с. 6].

Именно Мария, позже в одной из элегий исповедавшаяся: «Моя душа – моя свеча...», вышла в своих одах и на так любимый сентименталистами мотив «добродетельного союза сердец». «Составимте сердец союз!» – просто и доверчиво обратилась девушка к венценосной чете.

Своеобразным нравственно-эстетическим «прологом» сборника выступает «Ода на день светлого Христова Воскресения». Это яркий и необычный образец поздней русской философской оды, главной героиней которой выступает Вечность как высший судья и примиритель [4, с. 3–18]:

Блестящи солнца пред Тобою
Лишь искрой кажутся одною... [4, с. 17] –

с преображенной в зеркале сентиментализма целительной мыслью о Любви и Милости через Страдание:

О Боже! Сколь неизмеримы
Твоя Любовь и Милость к нам
.....
В сей День Ты падших нас восставил,
На степень Ангелов поставил... [4, с. 20].

При этом классическая религиозно-философская тема (в зеркале псалмодической лирики – см.: [3]) сплавляется у Марии Пospelовой с новым мотивом, характерным уже для проблескивающего предромантизма, – с мотивом Полета Мечты:

Песнь благодарную воспой,
Ко Свету Светов вознесися,
.....
Его лучами просветися... [4, с. 17].

«Пространная Вселенная», «тьма безчисленных миров», «печалей ложных тень»... – Мария искусно вводит в свой гимн игру светотени, чтобы с ее светлой помощью еще ярче «заиграла» главная музыкальная тема – Божественного Света. Современная исследовательница русской духовной лирики XVIII века Е. В. Семенова символично высказала гипотезу, что во многом как раз у Пospelовой берет истоки культ «мечтательной Ночи», хранительницы тайн Космоса и Души, в будущем XIX столетии так знаменитый у Тютчева... [5].

Увидеть всю Вселенную в ее величии, верила юная поэтесса, способен «лучезарный Гений». Пронзительный этот образ появляется, например, в оде на день именин тезки Пospelовой – императрицы Марии Феодоровны:

Едва дышу – и в то мгновенье
Я вижу свет небесный вкруг,
Явился Гений лучезарный

.....
Дерзай! – рек благотворный Гений
Мне удивленной... и исчез.
Рассеялись сомненья тени
И добрый луч блеснул с небес... [4, с. 12–13].

Вдумаемся, почувствуем: ведь перед нами – первые шаги к исповедальной пушкинской теме Поэта-Пророка!

Но не только высшее сакральное завещание Божества несет с собой «лучезарный Гений» – преображаются и краски мира. Так в лирику Марии Пospelовой входит символизм цветов, тоже исполненный глубокой нравственной силы и многих символических значений.

В открывающей сборник оде на именины принцессы Елисаветы Гений-Ангел сливается в ауре пронизывающего все света с образом теплого раннего осеннего солнца – «в блистательном венце»:

Румяный лик оно сокрыло
От зеленеющих полей

.....
Златыми класами венчанна,
В порфире светлоглубой

.....
Поставила трон Осень свой... [4, с. 1].

Хотя многие произведения сборника и носят по строгим правилам поэтики того времени жанровое определение «оды», картина здесь значительно многоцветней. Та же ода свободно может преображаться у Марии Алексеевны и в мозаику пейзажных миниатюр, и в исповедальную элегию, и в послание, и в идиллию.

В последнем случае очень интересен идиллический «Вечер любви». Трепетно, чутко и солнечно прозвучавшая уже и в торжественных одах цветовая игра здесь «наслаивается» на символику воды (о значениях этого символаобраза в мировом предромантизме – см.: [9]). То, что потом так восхищало современников, например, у Н. М. Языкова, властителя мира дружеских посланий Пушкинской эры, – искусство запечатлеть движущийся мир ручья – уже предсказано Машенькой Пospelовой:

Там в кристалле серебристом
Розовый рубин блистал,
Солнца луч в потоке чистом
Златом волны рисовал.

В нем алмаза блеск прелестной,
Радуга венки плетет,

Солнца луч в тени древесной
Злато с зеленью сольет... [4, с. 117].

Еще глубже раскрывается идиллическое начало в трогательной лирической картине «Весна». Юная поэтесса из мира Природы смотрит в мир людей. И не случайно, что первыми ей в нем встречаются – дети. Тема детства, в мемуаристике высвеченная Андреем Болотовым и Николаем Карамзиным, в журналистике – Николаем Новиковым, в драматургии – Андреем Болотовым, Гавриилом Державиным и Михаилом Муравьевым, тема эта получает у М. А. Пospelовой, казалось бы, и неброское, но, если взглянуть, очень тонко прочувствованное и трогательное, «теплое» воплощение:

Дети малые играют,
В тихий вечер сказки ждут.
Меж цветов струи мерцают,
Серебристых волн уют... [4, с. 112].

«Лучшие часы жизни моей» – и название сборника трагически не случайно. Девушка, почти ребенок, наверное и предчувствуя недолговечность земного своего пути, словно бы хотела напомнить остающимся, как важно ценить каждый час, каждое мгновение...

Едва «мир речки Клязьмы» был нарушен – Мария переехала к сестре в Петербург, а затем в Москву – «часы жизни» полетели к закату с роковой быстротой. В последние месяцы, уже болея, Мария Пospelова работала над одним из первых в русской литературе приключенческих романов для детей – «Альманзор». Рукопись – утеряна.

Литература

1. Западов В. А. Поэтический путь Державина // Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Худ. лит., 1981. С. 3–18.
2. Лазарчук Р. М. Литературная культура последней трети XVIII века (Диалог столицы и провинции): автореф. дис. ... докт. филол. наук. ИРЛИ РАН. СПб., 2000.
3. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Дм. Буланин, 2002.
4. Пospelова М. Лучшие часы жизни моей. Владимир: В типогр. губерн. правления, 1798.
5. Семенова Е. В. Система жанров русской духовной поэзии XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук / Московск. гос. пед. ун-т. М., 2002.
6. Сионова С. А. А. П. Бунина – русская поэтесса конца XVIII – начала XIX веков // Литературное краеведение Липецкой области. Елец: Изд-во Елецк. гос. ун-та им. И. А. Бунина, 1997. С. 35–40.
7. Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Т. 2 (К-П).
8. Тема природы в художественной литературе: Материалы Всерос. науч. конференции. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1995.
9. Suchanek L. Preromantyzm w Rossji. Krakow: Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1990.